

Рецензия на диссертацию
УДК 34.01
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-198-208>

**Юридический приоритет:
необходимость разработки доктринальной концепции.
Рецензия на диссертацию Н. Н. Хрони «Приоритетная обязанность
в структуре специального правового статуса» (Москва, 2023. 220 с.)**

Плешаков Евгений Александрович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени
Н. И. Лобачевского, law_pleshakov@mail.ru

Аннотация. В работе автором подвергается критическому осмыслению феномен «юридический приоритет» через призму нормативного воплощения и существующих доктринальных позиций. Поводом к началу научной дискуссии послужило диссертационное исследование Н. Н. Хрони на тему: «Приоритетная обязанность в структуре специального правового статуса». Состоявшаяся как научно-квалификационная работа, при этом выполненная на весьма высоком уровне, вышеуказанная диссертация побудила автора обратиться к феномену «юридический приоритет» с общетеоретических позиций. Автором в проекции к исследованию Н. Н. Хрони анализируется современная юридико-лингвистическая составляющая лексемы «приоритет», проводится ее анализ с позиции как научного, так и практико-прикладного компонента. Выдвигается гипотеза, что юридический приоритет по своей природе представляет собой средство дифференциации и иерархично-го построения различных элементов правовой системы. Аргументированы формы объективации юридического приоритета в конкретных правоотношениях. Делается вывод о необходимости полноценного, общетеоретического исследования юридического приоритета, формирования его доктринальной концепции.

Ключевые слова: юридический приоритет, правовой статус, дифференциация, юридическая техника, предпочтение, правовые преимущества, приоритетная обязанность, специальный правовой статус

Для цитирования: Плешаков Е. А. Юридический приоритет: необходимость разработки доктринальной концепции. Рецензия на диссертацию Н. Н. Хрони «Приоритетная обязанность в структуре специального правового статуса» (Москва, 2023. 220 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 198–208. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-198-208>.

Dissertation review

**Legal priority: the need to develop a doctrinal concept.
Review of N. N. Khroni's dissertation "Priority duty in the structure
of special legal status" (Moscow, 2023. 220 p.)**

Evgeny A. Pleshakov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, law_pleshakov@mail.ru

Abstract. In the work, the author critically examines the phenomenon of "legal priority" through the prism of normative implementation and existing doctrinal positions. The reason for the beginning of the scientific discussion was the dissertation research by N. N. Khroni on the topic: "Priority duty in the structure of a special legal status". Having taken place as a scientific qualification work, while being performed at a very high level, the above-mentioned dissertation prompted the author to address the phenomenon of "legal priority" from a general theoretical standpoint. The author, in the projection to the study of N. N. Chroni analyzes the modern legal and linguistic component of the lexeme "priority", its analysis is carried out from the perspective of both scientific and practical-applied components. The hypothesis is put forward that legal priority by its nature is a means of differentiation and hierarchical construction of various elements of the legal system. The forms of objectification of legal priority in specific legal relations are reasoned. The conclusion is made about the need for a full-fledged, general theoretical study of legal priority, the formation of its doctrinal concept.

© Плешаков Е. А., 2023

Keywords: legal priority, legal status, differentiation, legal technique, preference, legal advantages, priority duty, special legal status

For citation: Pleshakov E. A. Legal priority: the need to develop a doctrinal concept. Review of N. N. Khroni's dissertation "Priority duty in the structure of special legal status" (Moscow, 2023. 220 p.). *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 198–208. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-198-208>.

26 октября 2023 года в диссертационном совете 03.2.001.02, созданном на базе федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации» состоялась успешная защита Натальей Николаевной Хрони кандидатской диссертации на актуальную в теоретическом, практическом, дидактическом аспектах тему — «Приоритетная обязанность в структуре специального правового статуса» [1].

Правовой статус личности, как объективные права и юридические обязанности (элементы, образующие его ядро), остаются основополагающими категориями юриспруденции — ее теории, практики, техники. Несмотря на существование значительного количества исследований юридической конструкции правового статуса личности, выполненных как в рамках общей теории права, так и в отраслевых юридических науках, интерес к данной проблематике не снижается. Разработка теоретико-методологических проблем специального правового статуса, приоритетной юридической обязанности как его неотъемлемого элемента, приобретают ныне магистральное значение. Обращение Н. Н. Хрони к вопросам структуры специального правового статуса, дифференциации и индивидуализации юридических обязанностей, технико-юридических дефектов и упущений их нормативного закрепления, безусловно, имеет немалое значение для развития теоретико-правового знания.

Категория «юридическая обязанность» является менее изученной (по сравнению с субъективными правами), и выбор предметом исследования указанной разновидности юридической обязанности весьма смелый. В целом данную проблематику следует отнести к перспективным направлениям исследований, по меньшей мере по следующим причинам.

Во-первых, сама по себе попытка осмысления правового положения личности с акцентом на элементе долженствования, а не дозволения, говорит о внимании автора к современным сложностям государственно-правового строительства России. Глобальные вызовы современному обществу, обусловленные экономическими, политическими, экологическими,

социальными проблемами, выдвигают перед демократическими государствами задачу по неукоснительному соблюдению провозглашенных принципов равноправия, справедливости, законности. Гарантии исполнения этих направлений особо обостряются при отступлении от провозглашаемых принципов в форме преимуществ, приоритетов, прерогатив в процессе реализации прав и обязанностей. Тенденция применения указанных форм приобретает все большую популярность как на законодательном, так и правоприменительном уровнях. Диссертант в данном случае, предпринял довольно удачную попытку комплексного исследования такого феномена, как «приоритетная обязанность».

Во-вторых, новаторство подхода Н. Н. Хрони заключается не только в рассмотрении неисследованного ранее явления «приоритетная обязанность», а в проявлении междисциплинарного подхода и изучении взаимосвязи с иными правовыми феноменами, в том числе специальным правовым статусом, системой правовых преимуществ, включая преимущественное право. Раскрывая сущность приоритетной обязанности, соискатель справедливо определяет соответствующие признаки, наличие которых позволяет отграничить данный правовой феномен от общих юридических обязанностей (с. 50–60). Автор верно подчеркивает направленность приоритетных обязанностей на обеспечение высших гуманистических ценностей (жизни человека, его прав и др.).

В-третьих, в настоящее время в нашей стране реализуется ряд правовых реформ, направленных на совершенствование национальной правовой системы, развитие и внедрение новых подходов к правовому регулированию. Принимая во внимание потребность современной юридической науки в расширении знаний о системе средств и способов правового воздействия на общественные отношения, а также важность и фундаментальность для внутригосударственных и международных правоотношений приоритетных обязанностей, существующих в структуре специального правового статуса, автором осуществлена в целом успешная попытка: классификации приоритетных обязанностей; познания

их подлинной правовой природы; исследования их взаимообусловленного соотношения с другими — смежными правовыми категориями; рассмотрения роли и места приоритетной обязанности в структуре специального правового статуса; выявления проблем технико-юридического закрепления приоритетных обязанностей в нормах законодательства; установления влияния исполнения приоритетных обязанностей на процесс оформления, изменения специального правового статуса, а также приобретения правовых преимуществ.

Однако можем предположить, что одной из главных трудностей написания диссертации выступило то обстоятельство, что феномен «юридический приоритет» к моменту защиты обстоятельного общетеоретического анализа не получил, и Н. Н. Хрони пришлось решать частные вопросы (что, конечно, не означает их мало-значительности) при отсутствии полноценного освещения общих принципиальных проблем.

Остановимся на содержательных моментах работы, иллюстрирующих не просто потребность, а острую необходимость формирования научной концепции юридического приоритета.

Начать полагаем уместным с предложенной автором дефиниции указанного родового феномена, проявляющегося впоследствии в видовых отношениях, в том числе, применительно к иерархии юридических обязанностей.

Юридический приоритет, по мнению Н. Н. Хрони, являясь инструментом правового регулирования, заключается в «правовой упорядоченности очередности реализации (внеочередной, первоочередной) субъективного права и (или) законного интереса субъектом, обладающим специальным правовым статусом, на основе дополнительных процессуальных гарантий и организационных мер, обеспечиваемой исполнением первостепенных обязанностей как самого субъекта, так и иных лиц, задействованных в правоотношениях» (с. 10).

Убеждены, что юридический приоритет — это не любая упорядоченность очередности реализации чего-либо (прав, обязанностей, законных интересов и пр.). Именно в этом диссертант, видимо, видит его природу, указывая на характеристику приоритета в виде первоочередности и внеочередности. Полагаем, что реализация, как воплощение правовых предписаний в конкретных общественных отношениях, лишь одна из форм проявления юридического приоритета. В этой связи уместнее данный феномен воспринимать как специфическую модель правовой упорядоченности общественных отношений

в целом. Юридический приоритет, как думается, свойственен не только процессу правореализации, но и правотворчеству, правоинтерпретации. На это указывают лингвистический компонент, общенаучное восприятие, а также и понимание анализируемого явления доктриной права.

С юридико-лингвистических позиций понятие «приоритет» имеет латинские корни (от лат. *prior*) и является полным аналогом немецкого *prioritet*, буквально означающего первенство [2, с. 532]. В общенаучном значении «приоритет» (если не брать во внимание толкование его как первенство в научном открытии, содержащееся в большинстве словарей и справочников), интерпретируется как преобладающее значение чего-либо [3, с. 985].

Определений понятия «юридический приоритет» на сегодняшний день немного, изложены они (зачастую очень кратко) преимущественно на страницах научных статей. Монографические разработки понятия «юридический приоритет» отсутствуют. Вряд ли подобная ситуация может удовлетворить наши устремления подвергнуть критическому осмыслению вариант дефинирования данного явления Н. Н. Хрони и предложить свой концептуальный вариант определения понятия, полноценно охватывающий данное многогранное явление.

Одну из первых попыток обращения к сущности юридического приоритета предпринял А. Г. Репьев, который, однако, рассмотрел его лишь в проекции к системе правовых преимуществ. В частности, автор воспринимает правовой приоритет в качестве разновидности преимущественного права как способа реализации особой правовой процедуры, обусловленной необходимостью учета публичных и частных интересов и особенностей специальных статусов отдельных субъектов, предусматривающей дополнительные процессуальные гарантии и организационные меры по первоначальному, предпочтительному получению благ, реализации прав и законных интересов [4, с. 16–17; 5, с. 10]. В такой интерпретации понимание юридического приоритета также далеко от охвата его во всем многообразии.

Крайне лаконичную трактовку понятия «юридический приоритет» предлагает С. А. Чиркаев, рассматривая названное явление как правовое средство регулирования общественных отношений, которое предопределяет первоочередность решения каких-либо задач и необходимость учета в первоочередном порядке каких-либо интересов отдельных субъектов [6, с. 82]. В нашем понимании «средство» — это

способ действия, прием достижения чего-либо. Представленная интерпретация приоритета как средства позволяет, по логике автора, обеспечить первоочередность. Однако первоочередность, в чем мы убеждены, — это лишь один из результатов выстраивания иерархичности, то есть такое расположение элементов, в рамках которого сложилась очередность и один из элементов системы в этой очередности первый. Между тем упускаются иные варианты иерархии, например, внеочередность.

Представленная линия рассуждения позволяет выдвинуть гипотезу, что **юридический приоритет** по своей природе представляет собой **средство дифференциации и иерархичного построения различных элементов правовой системы**. При помощи юридического приоритета государство не только находит различия относительно важности, значимости таких элементов правовой системы как норма права, правовой институт, правовое отношение, правовое сознание и прочее, но и выстраивает внутреннюю иерархию. В качестве примера можно привести факт: в законодательстве, в зависимости от приоритетности одних общественных отношений над другими, значимости отдельных ценностей, закрепляются не только общие нормы, но и специальные, предполагающие установление правил поведения, основанных на первенстве, преобладании. Так, телеграммы за подписью руководителя органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации «передаются в приоритетном порядке» [7].

Все вышеизложенное обуславливает необходимость установления не только дефинитивных основ феномена «юридический приоритет», но и механизмов воплощения определяемого им дифференцированного и иерархического построения, определения критериев приоритетности.

В своем исследовании Н. Н. Хрони обращает внимание, что субъект самостоятельно распределяет обязанности по степени их первостепенности (с. 157). При этом автором допускается возможность существования ошибки как в нормативном закреплении, так и в понимании приоритета при выполнении юридических обязанностей. Автор идет дальше, постулируя допустимость определения приоритетной обязанности в качестве квалифицирующего признака юридической ответственности (с. 11), что в проекции к предыдущему высказыванию представляется весьма дискуссионным. Совокупность двух вышеуказанных тезисов подтверждает наше сомнение, поскольку приоритетная

обязанность может выступать квалифицирующим признаком для наступления юридической ответственности только в силу указания на то в нормативном правовом акте (в идеальном варианте — прямо и недвусмысленно, в качестве допустимого варианта — латентно, но со ссылкой на значимость интересов общества и государства), однако никак не по собственному усмотрению субъекта.

Показательным относительно выдвинутого аргумента является пример юридических обязанностей и возникающей на основе их неисполнения (либо ненадлежащего исполнения) юридической ответственности лица, состоящего под административным надзором. В частности, статьей 11 Федерального закона от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», лицу, состоящему под административным надзором, вменяется по меньшей мере восемь обязанностей (семь из которых прямо изложены в части 1, и одна содержится в части 2 с оговоркой «также»). При этом хотя законодатель однозначно и не определяет, какая из имеющегося перечня обязанностей является для субъекта приоритетной, системное толкование охранительных норм законодательства все же позволяет сформировать степень их иерархичности, значимости для субъекта с позиции обеспечения на него профилактического воздействия. Так, лишь одна из вышесказанных обязанностей в случае ее неисполнения влечет наступление мер не административной [8, ст. 19.24], а уголовной ответственности, что, как думается, и делает ее приоритетной для поднадзорного лица в силу более строгих мер наказания. Речь идет об обязанности «прибыть в определенный администрацией исправительного учреждения срок к избранному им месту жительства или пребывания после освобождения из мест лишения свободы» [9], уклонение от которой компетентными органами может быть квалифицировано в качестве преступления [10].

Отмеченное выше актуализирует вопрос установления критериев юридического приоритета в рамках его полноценного, концептуального исследования. Данный аспект крайне важен для правоприменительных органов, в особенности, судебных. Формирование соответствующих правовых позиций, основанных на верной интерпретации дифференциации общественных отношений, иерархичности ценностей, адекватном восприятии приоритетности одной над другой, могло бы положительно

сказаться не только на эффективности правового регулирования в целом, но и на упрочении законности властно-распорядительных актов органов государственной власти. Данный аспект по-прежнему остается малоисследованным в юридической науке.

Названное поле осталось неохваченным и в исследовании, проведенном Н. Н. Хрони. В частности, для процесса правореализации, а конкретнее такой его формы как исполнение, важен ответ на ключевой вопрос — возможно ли допускать трансформацию, изменение иерархичности приоритетных обязанностей. Автор данный злободневный вопрос обходит своим вниманием, что видится нам не совсем правильным. Исполнение приоритетных обязанностей в повседневной жизни, как думается, будет существенно отличаться от реализации в особых условиях, детерминированных чрезвычайной обстановкой, военным временем, введением специальных правовых режимов (например, контртеррористической операции). Убеждены, что юридические приоритеты будут смещаться применительно к таким критериям, как время, место, обстановка.

К примеру, введение чрезвычайного положения на конкретной территории предполагает переориентацию органов государственной власти и местного самоуправления на решение приоритетных задач. Происходит это за счет соответствующего механизма, обусловленного введением особого правового режима, который предполагает:

а) переход на иную систему организации повседневной жизнедеятельности (прерогативные властно-распорядительные акты будут исходить от органов оперативного управления, включая коменданта, объединенного оперативного штаба и пр.), что предполагает не только установление ограничений и запретов правового положения личности, но и приоритетное внимание вопросам сохранности собственности, защиты объектов жизнеобеспечения и пр. [11];

б) переключение деятельности органов публичного управления с выполнения повседневных обязанностей на приоритетные. Таковыми, к примеру, для органов внутренних дел, станут задачи эвакуации населения, контроль и распределение продовольствия и предметов первой необходимости, вытекающие из этого контрольно-досмотровые мероприятия, сопровождение вывоза материальных и культурных ценностей в безопасные районы и т. д. [12].

Развивая мысль о необходимости установления критериев юридического приоритета,

выдвинем гипотезу, что таковыми могли бы выступить ценности. В рецензируемом исследовании Н. Н. Хрони обращает внимание на данный момент, однако делает это фрагментарно. В частности, соискателем обосновываются отличительные признаки приоритетной обязанности субъектов со специальным правовым статусом, среди которых выделяется ценностно-ориентирующее значение (с. 13–14). Однако аксиологический компонент важен не столько как признак, присущий такой форме объективации юридического приоритета, как обязанность, а сколько в качестве основополагающего ориентира, «ватерлинии», для установления дифференцированности и иерархичности всей системы общественных отношений и подходов к их правовому регулированию.

Следовательно, мы убеждены, что **формально-юридическим и нравственно-этическим критерием установления юридического приоритета в правовом регулировании являются ценности** и от того, какие ценности провозглашаются обществом и гарантируются государством, зависит установление органами законодательной власти соответствующих прав и дозволений, имеющих преимущественный характер перед иными, а субъектами правоприменения данные нормативные положения защищаются и охраняются.

Приведем пример. Положениями статьи 7 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» постулируется «приоритет охраны здоровья детей», на основе сформировавшейся системы национальных ценностей, в рамках которой «государство признает охрану здоровья детей как одно из важнейших и необходимых условий физического и психического развития» [13]. Данное положение конкретизируется предоставлением детям «приоритетных прав при оказании медицинской помощи» (ч. 2 ст. 7). Деяния, посягающие на ущемление данного приоритетного права, к примеру, в форме отказа в предоставлении бесплатного проезда к месту лечения и обратно, о взыскании стоимости проезда на восстановительное лечение, отказа выписывать рецепты на бесплатное получение лекарственных препаратов и прочее, получают соответствующую правовую оценку судебными органами и защищаются государством [14; 15].

Более того, дихотомия «ценности — приоритеты» имеет не только прямую связь (когда ценности формируют приоритеты), но и обратную. Выдвинем предположение, что **ценности**

могут сами непосредственно рассматриваться в качестве юридического приоритета. Попытаемся развить и аргументировать данную мысль на примере.

Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 традиционные российские духовно-нравственные ценности были определены в качестве стратегического национального приоритета [16]. При этом к указанным ценностям государством отнесен, например, «приоритет духовного над материальным».

Близко к обозначенному аспекту примыкает категория «интерес». В своем исследовании Н. Н. Хрони неоднократно обращается к сопоставлению приоритетной обязанности и законного интереса (с. 10, 15, 28–29 и др.). При этом законный интерес включен в качестве компонента определения понятия приоритетной обязанности, рассматривается диссертантом как условно-парная категория для приоритетной обязанности. Рассуждая о законном интересе, Н. Н. Хрони останавливается в шаге от гипотезы (которую впоследствии можно было бы доказать), что **интерес выступает детерминантом установления дифференцированности общественных отношений и иерархичности, реальной причиной возникновения юридического приоритета**. В этом ракурсе интерес связан ценностями, поскольку осознавая и оценивая интерес, субъект может понять — что действительно ценно (для общества, государства и пр.), а что является мнимой ценностью.

Так, среди требований, предъявляемых к поведению сотрудника органов внутренних дел, нормативными правовыми актами закреплено признание «приоритета государственных и служебных интересов над личными» [17]. Следовательно, законные интересы сотрудника органов внутренних дел как юридические дозволения, выражающиеся в стремлении субъекта пользоваться конкретным социальным благом и отчасти гарантированные государством, будут выступать (или по крайней мере должны) побудителем для выполнения повседневных оперативно-служебных задач в ущерб личным планам, собственным интересам. Государство для этого создает механизм реализации подобного интереса. В частности, правоприменительные и конкретно – судебные органы при оценке поведения сотрудника однозначно опираются на требования должного этического поведения, а факты игнорирования приоритета государственных интересов интерпретируют как минимум в качестве дисциплинарного проступка.

Так, действия должностного лица, рассматриваемого материалы дела об административном правонарушении на основании личных интересов, а не служебных (государственных), выразившиеся в отдании «предпочтения одним доказательствам перед другими», истолкованы как совершение проступка, порочащего честь сотрудника, к которому применена мера юридической ответственности в виде увольнения со службы в органах внутренних дел [18].

Сказанное выше актуализирует обращение к вопросам формы реализации юридического приоритета. Полагаем, что данный аспект предопределен общим механизмом воплощения в жизнь юридической дифференциации и построения общественных отношений на условиях иерархичности. В своем исследовании Н. Н. Хрони предлагает организационно-правовой механизм реализации приоритетной обязанности (с. 17), но проблематику форм воплощения приоритетности прав, обязанностей отводит на второй план. Между тем данный аспект крайне важен, поскольку, как известно, форма иллюстрирует способ существования содержания, его объективное выражение. При помощи формы мы можем понять действительный процесс образования приоритетности в общественных отношениях, в их развитии и трансформации.

Юридическая доктрина, нормы законодательства и правоприменительная практика свидетельствуют, что **одной из форм существования юридического приоритета выступает предпочтение**. Данный термин означает признание и утверждение преимущества перед кем-либо.

В рецензируемом исследовании Н. Н. Хрони категории «правовое преимущество» уделено достаточное внимание. В частности, она включена в авторскую концепцию юридической конструкции специального правового статуса личности, что выглядит наименее противоречивым (с. 15 и др.). Этого нельзя сказать о той части работы, в которой анализируется соотношение приоритетной обязанности и правового преимущества. В частности, Н. Н. Хрони показала данную связь крайне одностороннее (несмотря на тезис о наличии признаков единства данных феноменов, различия, а также взаимодействия и противоречий). Критика в адрес автора вызвана тем, что из всей системы правовых преимуществ она сделала акцент на такой форме их проявления, как преимущественное право (с. 15–16, 125–132 и др.).

В 2020 году в Саратовской государственной юридической академии была защищена

диссертация А. Г. Репьева «Преимущества в российском праве: теория, методология, техника» [19, с. 21–22], в рамках которой автор вполне обстоятельно доказал наличие концепции правовых преимуществ, состоящей из четырех основных типов: иммунитет, привилегия, льгота и особая правовая процедура. Обозначенное исследование, безусловно, также не лишено дискуссионных моментов относительно места юридического приоритета в системе преимуществ [20]. Однако позиция Н. Н. Хрони, проигнорировавшей иные формы преимуществ, непосредственно связанных с юридическим приоритетом, видится явно уязвимой.

Наиболее очевидным и отнюдь не риторическим вопросом к Н. Н. Хрони является следующий: «Почему при наличии не только доктринальной концепции приоритетных прав, но и их устоявшегося нормативного выражения в законодательстве, автор стремится показать корреляцию приоритетной обязанности с преимущественными правами (с. 109–132)?». Игнорировать многообразие проявления юридического приоритета в дозволениях, следовательно, значительно обеднять этот сложный, многогранный феномен. Современная система законодательства регламентирует: приоритетное право арендатора, покупки (выкупа); приоритетные права работников на отпуск, при сокращении штатов и многое другое.

Убеждены, что даже на первый, весьма поверхностный взгляд юридический приоритет и правовое преимущество соотносятся между собой как минимум в двух проекциях.

Во-первых, правовое преимущество выступает особой формой объективации юридического приоритета, направленной на улучшение правового положения участника общественных отношений (физического или юридического лица). В зависимости от ценностей, на основании которых строятся общественные отношения, тех интересов, которые преследует государство, оно при помощи нормативного установления льгот, привилегий проявляет заботу об отдельных категориях граждан, улучшая их правовое положение, предоставляя им дополнительные возможности, послабления в обязанностях, ограничениях и запретах. Так, принимая во внимание основы государственной молодежной политики, направленной на создание условий для развития, самореализации в различных сферах жизнедеятельности, «граждане из числа молодежи в возрасте до 30 лет имеют приоритетное право на участие в мероприятиях» по профессиональному обучению

и дополнительному профессиональному образованию [21].

Во-вторых, на основании юридического приоритета дифференцируется сама система правовых преимуществ. Будучи сложной, многоуровневой основой для реализации стимулирующей, поощрительной политики государства, льготы, привилегии и иные формы улучшения правового положения отдельных субъектов должны являться следствием индивидуализации, отвечать потребностям общества и государственным вызовам, насущным и наиболее актуальным задачам воплощения в жизнь принципов социального государства.

Диссертационное исследование Н. Н. Хрони, выполненное на добротном, научно-квалификационном уровне, тем не менее высветило существенный пробельный момент в научно-теоретическом юридическом знании и практической реализации положений законодательства. Речь идет об отсутствии полноценного, общетеоретического исследования юридического приоритета, сформированной его доктринальной концепции.

Научная общественность по-прежнему понимает «юридический приоритет» преимущественно в качестве лишь организационно-правового инструмента, в лучшем случае — инструмента правового регулирования. Это, несомненно, обедняет данный общеправовой феномен, который даже относительно своего регулятивного потенциала направлен далеко не только на упорядоченность очередности реализации субъективных прав и (или) законного интереса.

Как и всякое самостоятельное, творческое исследование сложной темы, диссертация Н. Н. Хрони не свободна от некоторых недостатков. Фиксируя некоторые из них, мы стремимся критические замечания сформулировать таким образом, чтобы «открыть» не только для Н. Н. Хрони, но и для других исследователей юридического приоритета, будущее «поле» работ.

1. По всему тексту диссертации фрагменты о правовой обязанности как реальном явлении и как правовой категории четко не разграничиваются, не имеют определенно выраженного содержания.

Автор методологически неверно использует текстуальное предметное рассмотрение приоритетной обязанности как понятия и как явления реальной действительности. Например, в методологическом разделе автореферата диссертации отмечается, что диалектико-материалистический метод познания позволил

автору изучить «приоритетную обязанность» (с. 7). Словосочетание «приоритетная обязанность» взято в кавычки, что для внимательно читателя означает упоминание о **понятии**. Однако, далее Н. Н. Хрони пишет о **явлении** в его связи с пространством и временем. В следующем предложении автор уже без кавычек констатирует задачу: «аргументировать связь приоритетной обязанности с иными правовыми категориями...».

2. При выполнении диссертационного исследования, как это следует из вводной части диссертации (с. 7), не использованы социологические методы. В этой связи не только «обеднена» методологическая база, но и ослаблена авторская аргументация. Обращение к социологическим опросам, интервьюированию, без сомнения, позволило бы повысить качество (возможно, и уровень) авторских выводов и предложений.

3. Слабым и тавтологичным выглядит ключевое определение работы, в котором приоритетная обязанность объяснена через юридическую обязанность. Внимание автора к терминологическим тонкостям, на наш взгляд, «разбивается» об его неспособность четко разграничить термины «приоритетность», «первостепенность», «первоочередность», «внеочередность». По тексту они зачастую применяются как синонимичные. В частности, непонятно, подразумевает ли приоритетность наличие той самой очереди из обязанностей, одна из которых должна быть исполнена в «приоритетном порядке». Эти же не вполне корректные рассуждения положены автором в основу деления приоритетных обязанностей по очередности (с. 11): внеочередные и первостепенные. Встает вопрос, почему внеочередные не названы «первостепенными», а первостепенные — «второстепенными», поскольку у автора получилась очередь из двух ступеней обязанностей.

4. Дискуссионным представляется шестое положение, выносимое на защиту (с. 15 диссертации, с. 11–12 автореферата диссертации), где автор уточняет дефиницию специального правового статуса, включая в его конструкцию приоритетные обязанности. Текст работы не позволяет дать однозначный ответ на вопрос: присущи ли приоритетные обязанности всем категориям лиц, обладающим специальным правовым статусом (например, пенсионерам). Кроме того, неясно, почему автор не включает в указанную дефиницию преимущественные права. На наш взгляд, указанный признак является вторичным. Более того, автор сам подчеркивает

выводимость указанного признака (с. 99 диссертации). Нельзя не заметить, что в структуре специального правового статуса отсутствуют такие элементы, как поощрения и гарантии.

5. Признавая важность использования классификации при исследовании правовых явлений, в том числе в анализируемой теме (§ 1.2 диссертации), следует отметить наличие такого существенного дефекта. При классификации приоритетных обязанностей наблюдается неосновательное отступление от традиционного понимания, сложившегося в теоретико-правовой науке о градации правовых установлений: нормы делятся на запрещающие, уполномочивающие и обязывающие. Автор предлагает запрещающие приоритетные обязанности и уполномочивающие приоритетные обязанности. Думается, такой доктринальный подход — нонсенс для современной теории права, искусственное изъятие из имеющейся «триады» правовых норм элемент в угоду «интересам» темы.

6. Н. Н. Хрони выступает за закрепление дефиниции «приоритет» и «приоритетная обязанность» в законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан. Но механизм реализации предлагаемых законодательных определений не обозначается. Полагаем, что выдвинутые предложения были бы «жизнеспособными», если выработать конкретный (лучше исчерпывающий) перечень законов и подзаконных нормативных правовых актов, в которых, возможно, и необходимо «воплотить» языковые новеллы автора диссертации.

Диссертантом предложены некоторые меры, направленные на технико-юридическое совершенствование фиксации приоритетной обязанности в законодательстве, среди которых — «планомерный уход от использования неисчерпывающих перечней обязанностей» (с. 12). Думается, что так же, как и правовой статус в целом, перечень прав и обязанностей не могут всегда иметь абсолютно четко обозначенные границы в силу их постоянного развития, высокой динамики действующего законодательства. Речь идет о более гибком подходе — что можно и нужно дать в формате исчерпывающего перечня, а что-то из приоритетов зафиксировать в виде открытого перечня.

7. Описываемая автором иерархия нормативных правовых актов (с. 23–24 диссертации) носит фрагментарный характер. Создается впечатление, что автор упускает ряд форм (источников) права законодательного и подзаконного характера (законы о поправке к Конституции,

нормативные акты Президента Российской Федерации, субъектов Российской Федерации). Попутно следует отметить, что в библиографическом списке работ не учтена предусмотренная Конституцией Российской Федерации (ст. 15) иерархия форм (источников) права. Об этом свидетельствует несколько хаотичное размещение в библиографии диссертации международных актов, общих и кодифицированных законов, подзаконных нормативных актов (с. 177–220) [22; 23].

Принято считать, что при рецензировании диссертации надо оценивать то, что в ней есть, и не касаться того, чего в ней нет. Думается, это неоправданная позиция. Если разработчик темы упустил важные для ее раскрытия вопросы, то это надо непременно отметить. Иначе оценка будет не вполне объективной и неоправданно комплиментарной.

Кроме уже отмеченных «пробелов» диссертационного исследования Н. Н. Хрони, остался без ответа принципиальный вопрос: «Охватывает ли авторское определение понятия «юридический приоритет» приоритетные задачи и направления деятельности, декларируемые в актах стратегического планирования?» [24; 25]. Важно было показать соотношение юридического приоритета с юридическими стратегиями и специализацию правовых норм.

Рассматривая отраслевые виды приоритетной обязанности (с. 68–79 диссертации), автор практически не уделяет внимания приоритетным обязанностям в административном праве, что, учитывая объем и характер регулируемых этой отраслью права общественных отношений, а также ее роль в регулировании статуса органов государственной власти и государственных служащих является неоправданным.

Список источников

1. Хрони Н. Н. Приоритетная обязанность в структуре специального правового статуса: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. 220 с.
2. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. Москва: Аделант, 2014. 800 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1194 с.
4. Репьев А. Г. «Преимущественное право» и «правовой приоритет» в юридической доктрине и законодательстве // Вестник РПА Минюста РФ. 2019. № 1. С. 14–20.
5. Репьев А. Г. «Приоритет» и «паритет» как парные правовые категории (доктринальное толкование

с содержательных и технико-юридических позиций) // Вестник РПА Минюста РФ. 2021. № 1. С. 7–15.

6. Чиркаев С. А. Приоритет как особое средство правового регулирования // Евразийский юридический журнал. 2022. № 4 (167). С. 79–82.

7. Об утверждении перечня должностных лиц, за подписью которых телеграммы категорий «Президент Российской Федерации», «Председатель Правительства Российской Федерации», «Высшая правительственная» и «Правительственная» передаются в приоритетном порядке: постановление Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2006 года № 74 (в ред. от 8 сентября 2023 года) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 7, ст. 785; 2023. № 37, ст. 6851.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12 октября 2023 года) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ч. 1, ст. 1; 2023. № 16, ст. 2749.

9. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ (в ред. от 13 июня 2023 года) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15, ст. 2037; 2023. № 25, ст. 4421.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12 октября 2023 года), ст. 314.1 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2023. № 16, ст. 2750.

11. О чрезвычайном положении: федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ (в ред. от 2 ноября 2023 года) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23, ст. 2277; Российская газета. 2023. 8 ноября.

12. О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2003 года № 794 (в ред. от 16 февраля 2023 года) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 2, ст. 121.

13. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2023 года) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48, ст. 6724; 2023. № 1. Ч. I, ст. 76. См. также: По делу о проверке конституционности статьи 129, части первой статьи 331, пункта 3 части первой статьи 379.1, части первой статьи 379.2 и пункта 6 части первой статьи 390 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н. П. Хомутиной: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2023 года № 53-П // Российская газета. 2023. 30 ноября.

14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федера-

ции от 2 декабря 2019 года № 11-КГ19-24. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.09.2023).

15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 2020 года № 74-КГ19-10. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.09.2023).

16. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

17. Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 26 июня 2020 года № 460 (в ред. от 2 мая 2023 года), п. 6.2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023).

18. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 октября 2017 года № 69-КГ17-23. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023).

19. Репьев А. Г. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2020. 529 с.

20. Баранов В. М. Стратегия, тактика и техника государственной поддержки посредством правовых преимуществ. Отзыв о диссертации А. Г. Репьева на тему «Преимущества в российском праве: теория, методология, техника» (Саратов, 2019. 529 с.), представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2 (50). С. 210–221.

21. О реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан на период до 2024 года (вместе с «Положением о реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан на период до 2024 года»): постановление Правительства Российской Федерации от 27 мая 2021 года № 800 (в ред. от 5 октября 2023 года), п. 5 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 23, ст. 4049; 2023. № 42, ст. 7493.

22. Толстик В. А. Иерархия источников российского права. Нижний Новгород: «Интелсервис», 2002. 216 с.

23. Толстик В. А. Иерархия российского и международного права Москва: Изд-во «ЮРАЙТ», 2001. 128 с.

24. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26. Ч. I, ст. 3378.

25. Говорухина Ю. В. Стратегия как правовой документ: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2021. 226 с.

References

1. Khroni N. N. Priority duty in the structure of the special legal status. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2023. 220 p. (In Russ.)

2. Egorova T. V. Dictionary of foreign words of the modern Russian language. Moscow: Adelant Publ., 2014. 800 p. (In Russ.)

3. The great explanatory dictionary of the Russian language / comp. and chief ed. by S. A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint Publ., 2000. 1194 p. (In Russ.)

4. Repyev A. G. "Preemptive right" and "legal priority" in legal doctrine and legislation. *Bulletin of the RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation*, 2019, no. 1, pp. 14–20. (In Russ.)

5. Repyev A. G. "Priority" and "parity" as paired legal categories (doctrinal interpretation from substantive and technical-legal positions). *Bulletin of the RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation*, 2021, no. 1, pp. 7–15. (In Russ.)

6. Chirkaev S. A. Priority as a special means of legal regulation. *Eurasian Law Journal*, 2022, no. 4 (167), pp. 79–82. (In Russ.)

7. On approval of the list of officials, signed by whom telegrams of the categories "President of the Russian Federation", "Chairman of the Government of the Russian Federation", "Highest Governmental" and "Governmental" are transmitted in priority order: decree of the Government of the Russian Federation no. 74 of February 6, 2006 (as amended. of September 8, 2023). *Collection of legislative acts of the RF*, 2006, no. 7, art. 785; 2023, no. 37, art. 6851. (In Russ.)

8. The Code of the Russian Federation on Administrative Offences no. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended. from August 4, 2023) (with amendments and additions, intro. effective from October 12, 2023). *Collection of legislative acts of the RF*, 2002, no. 1, part 1, art. 1; 2023, no. 16, art. 2749. (In Russ.)

9. On Administrative Supervision of Persons Released from places of deprivation of Liberty: federal law no. 64-FZ of April 6, 2011 (as amended of June, 2023). *Collection of legislative acts of the RF*, 2011, no. 15, art. 2037; 2023, no. 25, art. 4421. (In Russ.)

10. The Criminal Code of the Russian Federation no. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended. from August 4, 2023) (with amendments and additions, intro. effective from October 12, 2023), article 314.1. *Collection of legislative acts of the RF*, 1996, no. 25, art. 2954; 2023, no. 16, art. 2750. (In Russ.)

11. On the state of emergency: federal constitutional law no. 3-FKZ of May 30, 2001 (as amended of November 2, 2023). *Collection of legislative acts of the RF*, 2001, no. 23, art. 2277; *Rossiyskaya Gazeta*, 2023, November 8. (In Russ.)

12. On the Unified State system of Prevention and liquidation of Emergency Situations: decree of the Government of the Russian Federation no. 794 of December 30, 2003 (as amended. of February 16, 2023). *Collection of legislative acts of the RF*, 2004, no. 2, art. 121; (In Russ.)

13. On the basics of public health protection in the Russian Federation: federal law no. 323-FZ of November 21, 2011 (as amended. from July 7, 2023) (with amendments and additions, intro. effective from September 1, 2023). *Collection of legislative acts of the RF*, 2011, no. 48, art. 6724; 2023, no. 1, part I, art. 76. See also: In the case of checking the constitutionality of Article 129, part one of Article 331, paragraph 3 of part one of Article 379.1, part one of Article 379.2 and paragraph 6 of part one of Article 390 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen N. P. Khomutinina: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of no. 53-P November 20, 2023. *Rossiyskaya gazeta*, 2023, November 30. (In Russ.)

14. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation no. 11-KG19-24 of December 2, 2019. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.09.2023). (In Russ.)

15. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation no. 74-KG19-10 of January 27, 2020. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.09.2023). (In Russ.)

16. On the approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: decree of the President of the Russian Federation no. 809 of November 9, 2022. *Collection of legislative acts of the RF*, 2022, no. 46, art. 7977. (In Russ.)

17. On the approval of the Code of Ethics and Official Conduct of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no. 460 of June 26, 2020 (as amended May 2, 2023), item 6.2. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.09.2023). (In Russ.)

18. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation no. 69-KG17-23 of October 23, 2017. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.09.2023). (In Russ.)

19. Repyev A. G. Advantages in Russian law: theory, methodology, technique. Dissertation... doctor of legal sciences. Saratov, 2020. 529 p. (In Russ.)

20. Baranov V. M. Strategy, tactics and techniques of state support through legal advantages. Review of A. G. Repyev's dissertation on the topic "Advantages in Russian law: theory, methodology, technique" (Saratov, 2019. 529 p.), submitted for the degree of Doctor of Law in the specialty 12.00.01 — theory and history of law and state; history of the teachings of law and state. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2 (50), pp. 210–221. (In Russ.)

21. On the implementation of measures for the organization of vocational training and additional vocational education of certain categories of citizens for the period up to 2024 (together with the "Regulations on the implementation of measures for the organization of vocational training and additional vocational education of certain categories of citizens for the period up to 2024"): decree of the Government of the Russian Federation no. 800 of May 27, 2021 (as amended. from October 5, 2023), item 5. *Collection of legislative acts of the RF*, 2021, no. 23, art. 4049; 2023, no. 42, art. 7493. (In Russ.)

22. Tolstik V. A. Hierarchy of sources of Russian law. Nizhny Novgorod: Intelservice Society Publ., 2002. 216 p. (In Russ.)

23. Tolstik V. A. Hierarchy of Russian and International Law. Moscow: YURAYT Publ., 2001. 128 p. (In Russ.)

24. On Strategic Planning in the Russian Federation: federal law of the Russian Federation no. 172-FZ of June 28, 2014. *Collection of legislative acts of the RF*, 2014, no. 26, part I, art. 3378. (In Russ.)

25. Govorukhina Yu. V. Strategy as a legal document. Dissertation... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2021. 226 p. (In Russ.)

Рецензия на диссертацию поступила в редакцию 01.12.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The dissertation review was submitted 01.12.2023; accepted for publication 12.12.2023.